

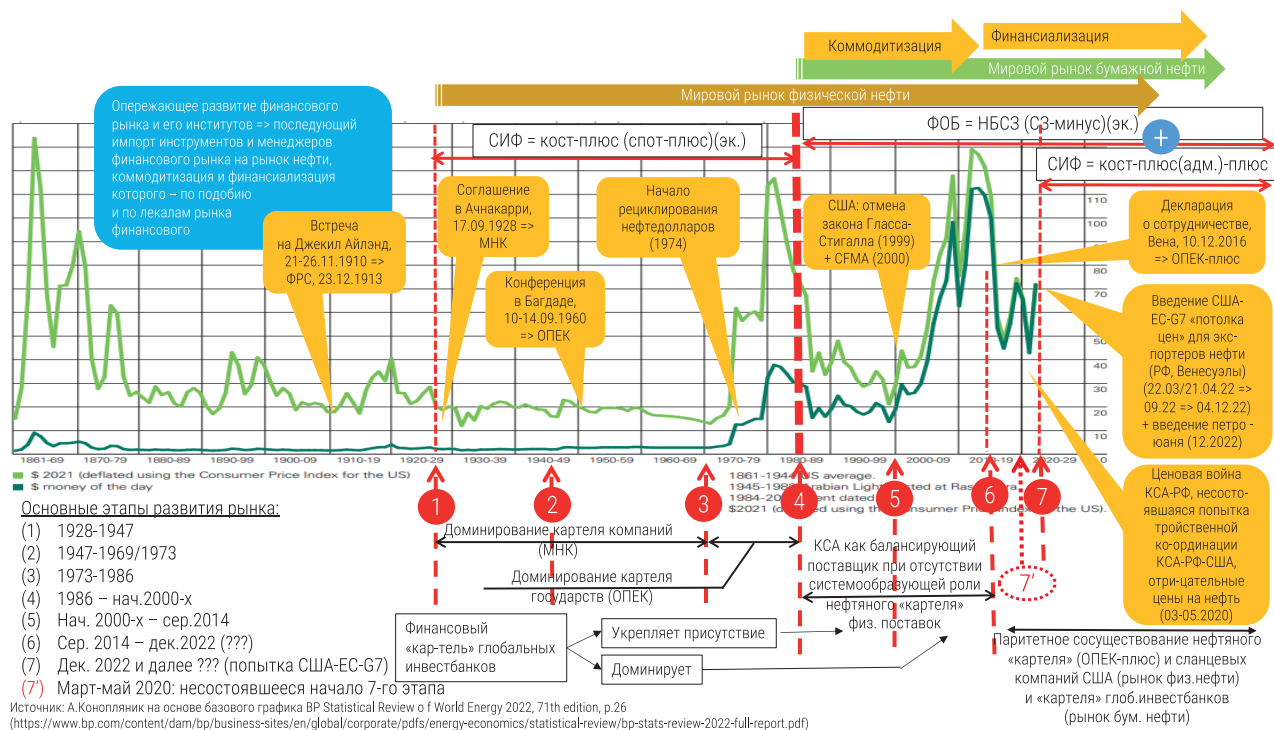
О ВХОЖДЕНИИ В СЕДЬМОЙ ЭТАП ОРГАНИЗОВАННОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА НЕФТИ

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

*Д.э.н., профессор, член научного совета РАН
по системным исследованиям в энергетике*

События декабря 2022 г. привели автора к выводу, что мировой рынок нефти вступил в седьмой этап своего организованного развития. Обоснованию этого тезиса и посвящена данная работа.

Основные этапы развития организованной международной торговли нефтью/мирового рынка нефти и реперные точки (по А. Коноплянику) (после событий декабря 2022 г.)

Седьмой этап и период административного регулирования цен на нефть мог начаться – но не начался – в марте-мае 2020 г. в случае достижения соответствующего соглашения тремя ключевыми игроками на рынке физической нефти: Саудовской Аравией (КСА) и Россией в составе группы «ОПЕК-плюс», с их небольшим числом крупных, напрямую или косвенно связанных с государством, вертикально-интегрированных компаний, и США, с их многочисленными и независимыми, прямо или косвенно, от государства производителями сланцевой нефти, в массе своей мелкими и средними неинтегрированными компаниями. Тогда не случилось. Политико-административное выборочное регулирование цен на нефть отдельных поставщиков было введено группой стран ОЭСР в декабре 2022 г. В результате рынок нефти перешел на новый уровень развития с новыми правилами игры.

Обновленная этапизация эволюции мирового рынка нефти

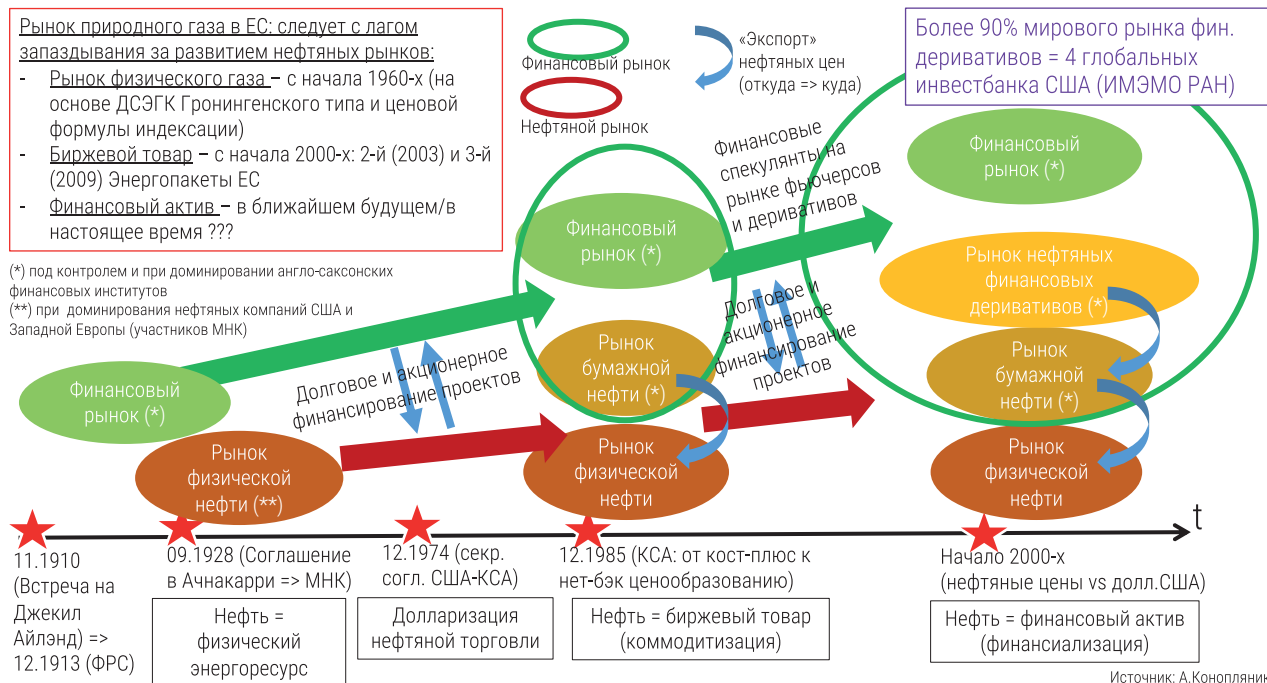
В рамках своей обновленной и расширенной классификации эволюции мирового рынка нефти, автор выделяет теперь семь этапов (см. «Основные этапы развития организованной международной торговли нефтью/мирового рынка нефти и реперные точки (по А. Коноплянику) (после событий декабря 2022 г.)»). Основанием для перехода с одного этапа классификации на другой является появление новых характеристик рынка или новых групп его игроков, карди-

нально (качественно, не количественно) изменяющих существовавшую до этого момента рыночную конъюнктуру (см. «Авторская система рынка нефти»).

Авторская система рынка нефти

Автор в течение долгого времени в рамках своей академической деятельности, начиная со второй половины 1970-х гг., занимается изучением закономерностей эволюции мировых энергетических рынков, в частности, мирового рынка нефти. Предложенная им система этапов организованного развития мирового рынка нефти, контрактных структур и механизмов ценообразования получила широкое распространение и признание среди специалистов в нашей стране и за рубежом. Автор начал систематизировать эту этапизацию в своих публикациях на рубеже веков, когда, в соответствии с его классификацией, их тогда насчитывалось четыре [1-3], в более поздних публикациях их уже стало пять [4-6] (ссылки даны только на монографии автора или с его участием, не считая многочисленных его журнальных статей того времени), в последующих – уже шесть [7-8], включая самую последнюю до сего дня статью на эту тему, опубликованную в ноябре 2022 г. [9] Поскольку первые шесть этапов описаны нами ранее весьма подробно в вышеуказанных и иных многочисленных публикациях автора (все доступны на сайте www.konoplyanik.ru), то мы их здесь лишь обозначим, не вдаваясь в детали, чтобы обосновать логику перехода от этапа к этапу, в том числе к нынешнему седьмому этапу. Причем обосновав как его фактическое начало в декабре 2022 г., так и описав несостоявшееся его начало – его фальстарт – в марте-мае 2020 г.

Рынки нефти и газа: от физического энергоресурса к биржевому товару и к финансовому активу – на основе \$

Вот некоторые из этих существенных признаков (см. таблицу 1. «Эволюция системы организованного ценообразования на мировом рынке нефти, по А. Коноплянику (этапы 1-7)»). Переход с первого (1928-1947) на второй (1947-1969) этап – это переход от однобазовой к двухбазовой системе цен в рамках их формирования компаниями Международного нефтяного картеля (МНК). 1969-1971 гг. – это период переговоров цен между МНК и ОПЕК, постепенное «перетекание» доминирования в установлении справочных цен (налоговые цены на добываемую и вывозимую сырую нефть МНК в рамках традиционных и/или модернизированных концессионных их соглашений с принимающими странами) от одностороннего их формирования компаниями МНК к переговорному с ОПЕК порядку их установления, предтеча полного перехода к ОПЕК контролю над ценами на добываемую на их территории сырую нефть. Переход на третий этап (1973-1985) – это установление странами ОПЕК контроля над ценами ФОВ на нефть, а затем и национализация добывающих активов ВИНК МНК в странах ОПЕК.

Первые три этапа (1928-1985) – это период существования только рынка физической нефти. Четвертый этап (1986-начало 2000-х) – коммодитизация рынка нефти, превращение ее в биржевой товар. Пятый (начало 2000-2014 гг.) и далее – финансиализация, превращение нефти в финансовый актив. Шестой период продолжался с 2014 года по декабрь 2022 г., когда произошел переход на седьмой этап.

На четвертом этапе сменилась формула ценообразования – от прямого счета (кост-плюс на первом-втором

этапах и де-факто спот-плюс на третьем) к обратному, когда цена ФОВ стала рассчитываться как нет-бэк от биржевых котировок сначала нефтепродуктов на NYMEX США, затем маркерных сортов сырой нефти на биржах главным образом Нью-Йорка (нефть WTI на NYMEX) и Лондона (нефть Brent на IPE/ICE). Привязка к биржевым котировкам у потребителя резко увеличила ценовую волатильность. Четвертый этап – это зарождение рынка бумажной нефти, на котором доминировали хеджеры – участники рынка физической нефти, использующие биржевые операции для страхования/минимизации финансовых рисков работы на физическом рынке (работающие в рамках Марксовой формулы Д-Т-Д1).

На четвертом этапе в рамках двухсегментной модели доминировал рынок физической нефти (рынок бумажной нефти выполнял вспомогательную роль). Начиная с пятого этапа, доминирует уже сформированный и глубоко разветвленный рынок бумажной нефти, ставший частью глобального высоколиквидного рынка капитала. Его оборот многократно превышает масштабы рынка физической нефти. На этом рынке доминирует уже иной класс игроков – биржевые спекулянты (работающие в рамках Марксовой формулы Д-Д1).

В рамках первых трех этапов нефтяной и финансовый рынок существовали «рядом», развивались параллельно, их взаимодействие происходило через долговое и акционерное финансирование инвестиционных нефтяных проектов (см. «Рынки нефти и газа: от физического энергоресурса к биржевому товару и к финансовому активу – на основе доллара США»). При этом происходило опережающее

развитие финансового рынка и его институтов с последующим импортом инструментов и менеджеров финансового рынка на рынок нефтяной, коммодитизация и финансовизация которого происходили поэтому по подобию и по лекалам рынка финансового. Таким образом, развитие мирового рынка нефти проходит с лагом запаздывания по пути и модели глобального финансового рынка.

Зарождение глобального финансового рынка я приурочиваю к встрече шести крупнейших американских бан-

киров (представителей банковских групп) на Джекил Айленд в США в ноябре 1910 г. Это привело к формированию ФРС США в 1913 г. и последующей глобальной экспансии финансовых институтов США. Начало формирования организованного мирового рынка нефти я связываю с соглашением в Ачнакарри в Шотландии в сентябре 1928 г., на котором был сформирован МНК. Оба рынка слились в единую двухсегментную модель нефтяного рынка (рынки физической и бумажной нефти) на четвертом этапе его развития.

Таблица 1. Эволюция системы организованного ценообразования на мировом рынке нефти, по А. Коноплянику (этапы 1-7)

Этап	Годы	Кто устанавливает цену (жирн.) // ключевые игроки на рынке физической (подчеркн.) и бумажной (курсив) нефти	Формула цены
(1)	1928-1947	МНК (однобазовая система цен)	СИФ = нет-форвард (кост-плюс): $C_{CIF} = C_{FOB} \text{ (Мекс.Зал.)} + \text{Фр.реал./фикт. (Мекс.Зал.)}$ $C_{FOB} \text{ (БСВ/ОПЕК)} = \text{справочные цены}$
(2)	1947-1969/1973	МНК (двухбазовая система цен) Примечание: 1969-1971 – период переговорных цен между МНК и ОПЕК	СИФ = нет-форвард (кост-плюс): $C_{CIF} = C_{FOB} \text{ (Мекс.Зал.)} + \text{Фр.реал./фикт. (Мекс.Зал.)}$ $C_{CIF} = C_{FOB} \text{ (Мекс.Зал.)} + \text{Фр.реал./фикт. (Перс.Зал.)}$ $C_{FOB} \text{ (БСВ/ОПЕК)} = \text{справочные цены}$
(3)	1973-1986	ОПЕК (официальные отпускные цены)	СИФ = нет-форвард (кост-плюс = спот-плюс): $C_{CIF} = C_{FOB} \text{ (ОПЕК-ооц)} + \text{Фр.реал. (ОПЕК)}$ $C_{FOB} \text{ (ОПЕК-ооц)} = C_{\text{спот}} \text{ (ОПЕК)}$
(4)	1986-сер.2000-х	Биржа // КСА vs. (хеджеры => нефтяные спекулянты)	ФОБ = нет-бэк от бирж.котировок: $C_{FOB} \text{ (встр.)} = C_{CIF/бирж.} - \text{Фр.реал.}$ $C_{CIF} = \text{Биржевые котировки (нефть.)}$
(5)	Сер.2000-х – сер. 2014	Биржа // КСА vs инвестбанки США (не-нефтяные спекулянты))	ФОБ = нет-бэк от бирж.котировок: $C_{FOB} \text{ (встр.)} = C_{CIF/бирж.} - \text{Фр.реал.}$ $C_{CIF} = \text{Биржевые котировки (не-нефть.)}$
(6)	Сер. 2014 – дек. 2022	Биржа // (КСА => «ОПЕК-плюс») vs сланцевые производители США vs инвестбанки США (не нефтяные спекулянты)	ФОБ = нет-бэк от бирж.котировок: $C_{FOB} \text{ (встр.)} = C_{CIF/бирж.} - \text{Фр.реал.}$ $C_{CIF} = \text{Биржевые котировки (не-нефть.)}$
(7)	Дек. 2022 – ...	(1) биржа + (2) политико-административное установление цен // (1) «ОПЕК-плюс» vs сланцевые производители США vs инвестбанки США (не-нефтяные спекулянты), (2) США/ЕС/G-7...	(1) ФОБ = нет-бэк от бирж.котировок: $C_{FOB} \text{ (встр.)} = C_{CIF/бирж.} - \text{Фр.реал.}$ $C_{CIF} = \text{Биржевые котировки (не-нефть.)}$ (2) ФОБ = нет-бэк (не выше полит.-админ.потолка): $C_{FOB} \text{ (РФ)} = \text{аналог справочных цен БСВ/ОПЕК 1-го/2-го этапов}$

Легенда к таблице:

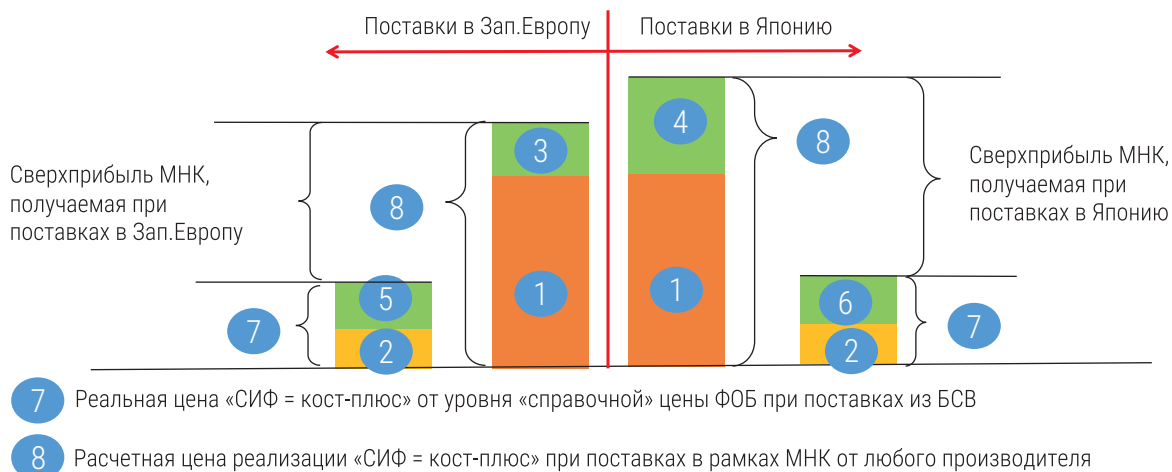
- C_{CIF} – цена CIF (у потребителя);
- $C_{FOB} \text{ (Мекс.Зал.)}$ – цена FOB (у поставщика) в районе Мексиканского залива;
- Фр.реал./фикт. (Мекс.Зал., Перс.Зал.) – фрахтовые ставки на реальную/фиктивную доставку нефти из района Мексик./Перс. залива потребителям;
- Фр.реал. (Мекс.Зал., Перс.Зал.) – фрахтовые ставки на реальную доставку нефти из районов Мексиканского/Персидского заливов;
- $C_{FOB} \text{ (ОПЕК-ооц)}$ – официальные отпускные цены FOB стран ОПЕК;
- Фр.реал. (ОПЕК) – фрахтовые ставки на реальную доставку нефти из государств ОПЕК потребителям;
- $C_{FOB} \text{ (встр.)}$ – цена FOB, рассчитанная по формуле «встречной» цены (цена CIF минус затраты, связанные с транспортировкой);
- $C_{CIF} \text{ (бирж.)}$ – устанавливаемая на бирже цена CIF (у потребителя);
- Фр.реал. – фрахтовые ставки на реальную доставку нефти потребителям из районов ее добычи.
- $C_{FOB} \text{ (РФ)}$ – потолок цен, установленный странами ЕС, «Группы семи» и рядом других стран ОЭСР на нефть и нефтепродукты, происходящие из РФ (60 долл./т для сырой нефти, 100 и 45 долл./т для легких и тяжелых нефтепродуктов, соответственно)

Источник: А. Конопляник

Механизм получения сверхприбыли компаниями МНК в период 1928-1969 гг. в международной торговле нефтью. Попытка реинкарнировать эту схему сегодня применительно к российской нефти?

Издержки добычи (вкл.прибыль): 1 – в США, 2 – на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ)

Издержки транспортировки (вкл.прибыль): из США в Зап.Европу (3) и Японию (4); из БСВ в Зап.Европу (5) и Японию (6)

Источник: А.Конопляник

Таким образом, начиная с четвертого этапа параллельное сосуществование сменяется взаимопроникновением рынков бумажной и физической нефти, когда рынок физической нефти через рынок нефти бумажной стал интегрироваться в глобальный финансовый рынок. Взаимодействие двух сегментов нефтяного рынка (физической и бумажной нефти) перешло в их ускоренную интеграцию через действия финансовых спекулянтов на рынке нефтяных фьючерсов и нефтяных финансовых деривативов.

На рынке физической нефти на первом-втором этапах доминирует картель нефтяных компаний МНК. На третьем – картель государств ОПЕК. На четвертом-пятом – КСА выступает как балансирующий поставщик при отсутствии системообразующей роли нефтяного «картеля» физических поставок. На четвертом этапе финансовый «картель» глобальных инвестбанков укреплял свое присутствие на формирующемся рынке бумажной нефти, начиная с пятого этапа он уже доминирует на нем. На шестом этапе сложилось паритетное сосуществование нефтяного «картеля» (ОПЕК-плюс) и сланцевых компаний США на рынке физической нефти и «картеля» глобальных инвестбанков на рынке бумажной нефти (рисунок 1).

Первые три этапа – это ценообразование по принципу «кост-плюс», или «нет-форвард», суммирование издержек по стадиям производственно-сбытовой цепочки: от производителя до рынка конечного потребления в странах-импортерах (таблица 1). При этом на третьем этапе ценообразование «кост-плюс» трансформировалось в «спот-плюс». Но на всех трех этапах цена СИФ (у импортера) определялась прямым счетом от цены FOB (у экспортера), то есть де-факто от уровня издержек на устье

скважины. При этом на первом-втором этапах существовало два уровня цены FOB в рамках деятельности картеля МНК и применявшейся этим картелем однобазовой и двухбазовой системы ценообразования: заниженная номинальная «налоговая цена» для принимающих государств Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки (будущих стран ОПЕК), определявшаяся через механизм т.н. «справочных цен» для этих стран с их низким уровнем издержек, и завышенная реальная экспортная цена для стран-потребителей, определявшаяся на основе высоких издержек добычи американской нефти (см. «Механизм получения сверхприбыли компаниями МНК в период 1928-1969 гг. в международной торговле нефтью. Попытка реинкарнировать эту схему сегодня применительно к российской нефти?»). На третьем этапе, когда страны ОПЕК перехватили контроль над ценообразованием в мировой нефтяной торговле, цены СИФ стали определяться от уровня FOB официальных отпускных цен ОПЕК. Которые, в свою очередь, устанавливались странами ОПЕК на уровне спотовых цен, являвшихся результатом упреждающих тестовых продаж ими небольших разовых партий для определения уровня ценовой готовности покупателей (компаний-трейдеров) платить за поставки нефти ОПЕК.

Таким образом, на этапах существования только рынка физической нефти тот, кто контролировал добычу в стране-экспортере, мог контролировать цены в стране-импортере, обеспечивая приемлемую рентабельность своих производственно-сбытовых операций, исходя как из целей долгосрочного расширенного воспроизводства, так руководствуясь иными соображениями. Например, по-

вышение ООЦ странами ОПЕК во многом преследовало компенсационную цель – «вернуть» в страны ОПЕК ту недополученную ими природную ресурсную ренту, которую в период первого-второго этапа компании МНК вывезли из этих стран, применяя механизм заниженных справочных цен в рамках одно- и двухбазовой системы ценообразования на добываемую в странах ОПЕК нефть [10].

На первых трех этапах контроль за ценообразованием оставался в руках тех, кто контролировал добычу и поставки. На первых двух этапах это были вертикально интегрированные нефтяные компании (ВИНК), входящие в МНК, на третьем – страны ОПЕК. Начиная с четвертого этапа, когда наряду с рынком физической нефти стал развиваться рынок нефти бумажной, ценообразование ушло на биржу и цены стали определяться обратным счетом, от нефтяных биржевых котировок. А ключевыми игроками, определяющими уровень цен, стали участники рынка бумажной нефти.

Таким образом, с середины 1980-х (с начала четвертого этапа) поведение цен стало зависеть не столько от баланса поставок (спрос-предложение на рынке физической нефти), сколько от ожиданий основных групп игроков в сфере биржевой торговли нефтью и производными финансовыми инструментами (спрос-предложение на рынке биржевых нефтяных контрактов и нефтяных финансовых деривативов).

От коммодитизации к финансиализации

Начало 2000-х годов ознаменовалось переходом к пятому этапу. Рост спроса на рынке физической нефти за счет резкого рывка развивающихся стран после кризиса 1998 года вслед за увеличением издержек подтолкнул и рост цен. Он немедленно был подхвачен глобальными финансовыми институтами, и в дальнейшем маховик взвинчивания цен раскручивался на рынке нефтяных финансовых деривативов. Оттуда растущие цены – биржевые котировки преимущественно беспоставочных контрактов – импортировались на рынок физической нефти, в сделки с реальными поставками. Такой механизм служил, в частности, для компенсации снижения курса доллара.

В 2008–2009 годы разразился пришедший с финансового рынка кризис. Нефтяные цены взлетели до исторического максимума \$147/барр., обрушились до \$35 и снова поднялись и закрепились на несколько лет на уровне порядка \$100–110/барр. В 2010 году Джулиан Ли, аналитик тогдашнего лондонского Центра глобальных энергетических исследований (под руководством шейха Ахмеда Заки Ямани), первым на моей памяти публично обосновал, что КСА (Саудовская Аравия) заинтересовано в поддержании цен на уровне, обеспечивающем бездефицитный бюджет страны [11]. И что этот уровень не имеет ничего общего с уровнем издержек по добыче и доставке нефти потреби-

телям-импортерам (конкурентные издержки «нефть-нефть» у производителя) или с НБСЗ (конкурентные издержки «нефть-замещающие энергоресурсы» у потребителя). Однако именно в фактической привязке к этому уровню цен бездефицитного бюджета КСА (который быстро подрос в результате «цветных революций» 2010-2011 гг. с \$60-70 до \$100-110/барр.) стало навязываться мировому сообществу понятие т.н. «справедливой» цены на нефть, выгодной в то время и производителям на рынке физической нефти и крупнейшим игрокам на рынке бумажной нефти – американским финансовым институтам.

Это был пятый этап развития рынка, когда объемы торговли на рынке бумажной нефти уже более чем на порядок превышали оборот рынка физической нефти. Так, в 2022 г. ежедневный объем «бумажной» нефти, торговавшейся на основных товарно-сырьевых биржах мира (7 млрд барр.), почти в 70 раз превышал среднесуточное потребление нефти в мире (100 млн барр.) [12]

При этом, по расчетам специалистов Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН, в начале 2010-х годов 95% мирового рынка деривативов приходилось на долю четырех американских финансовых групп: JP Morgan Chase, Citibank, Bank of America, Goldman Sachs [13]. Поэтому если на рынке физической нефти США (как страна-импортер) несли потери от высоких цен, то на достигшем в 2000-е годы своих огромных масштабов рынке бумажной нефти они выигрывали, и с лихвой, от высоких цен на нефть [14]. Баланс в рамках глобальной системы рециклирования нефтедолларов оказывался в целом в пользу США, хотя понятно, что бенефициарами и проигравшими были разные сектора экономики страны.

Малонаселенное КСА с амбиционными программами госрасходов, включая военные, с самыми низкими издержками добычи, с высоким уровнем резервных добывающих мощностей могла удерживать производство на уровне, обеспечивающем поддержание мировых нефтяных цен для сохранения бездефицитности ее бюджета. Страна выступала мировым регулятором на рынке нефти (мировым центробанком нефтяной отрасли).

Это устраивало финансовый капитал США, зарабатывающий на комиссиях от многочисленных транзакций на рынке нефтяных финансовых деривативов. Но высокие цены стимулировали и развитие американской сланцевой отрасли. Именно в нулевые годы «выстрелил» 30-летний по продолжительности инновационно-инвестиционный цикл американской сланцевой революции [15-19]. Это давало дополнительные стимулы для финансово-кредитной системы США. То есть мировой нефтяной рынок, его долларизация способствовали удержанию экономического доминирования США.

На четвертом-пятом этапах опережающего роста спроса на нефть (восстановительный рост после кризиса 1997-1998 гг. и выхода на рынок новых крупных потреби-

телей жидкого топлива в лице Китая, Индии и других развивающихся экономик) предпосылок для картелизации с целью регулирования уровня добычи не возникало, ибо все основные игроки были довольны. Ситуация изменилась на шестом этапе, когда появились недовольные.

Роль американской сланцевой отрасли

К началу шестого этапа набрал критическую массу новый многочисленный класс игроков – американские сланцевые производители. И это радикально поменяло всю картину со стороны предложения [15-19]. Провал цен на нефть в середине 2014 г. был вызван именно выходом на рынок производителей сланцевой нефти США [7]. Это привело к переходу рынка нефти на шестой этап своей эволюции, несмотря на то что механизмы ценообразования не поменялись (см. таблицу 1). Но на рынке физической нефти образовалась триада ключевых игроков (КСА, РФ, США) с противоположно направленными и в разной степени консолидируемыми интересами. Ситуацию для производителей усугубила смена парадигмы развития мировой энергетики – с ожидания «пика предложения» на ожидание «пика спроса» [20-24].

До форс-мажора, вызванного пандемией коронавируса, нельзя было предположить саму возможность согласованных действий между американскими сланцевыми компаниями (неподконтрольными правительству США) и государственными и/или национальными нефтяными компаниями других государств (подконтрольными – де-факто и/или де-юре – правительствам этих государств). Особенно в условиях роста спроса на жидкое топливо в таких меганаселенных странах, как Китай и Индия.

Сланцевые компании поначалу были неконсолидируемой совокупностью множества преимущественно мелких и средних компаний. Они были неинтегрированными, закредитованными, им требовалось продолжать бурение для сохранения добычи, генерирования финансовой выручки и выживания. В этих условиях договороспособными были только государства ОПЕК, а также не входящие в ОПЕК страны, имеющие крупные государственные или национальные компании. Запас прочности таких компаний обеспечивался их вертикально-интегрированной структурой и поддерживающими их государствами, заинтересованными в налоговых поступлениях.

В 2016 году на волне общности интересов несланцевых производителей сформировался альянс ОПЕК-плюс, ключевыми участниками которого стали КСА и Россия (рисунок 1). Рабочей концепцией его создания было, полагаю, намерение убрать часть избыточных объемов с рынка силами ОПЕК-плюс на фоне ожидания продолжающегося роста спроса со стороны Китая и других развивающихся стран. Но рынок к тому времени уже давно

двухсегментный (физической и бумажной нефти), цены определяют не производители, а финансовые спекулянты. И на нем уже присутствуют не поддающиеся консолидации сланцевые производители.

На шестом этапе отчасти повторилась ситуация конца третьего этапа. Тогда раскол изначально был внутри ОПЕК, когда бенефициарами снижения добычи КСА для поддержания цен стали другие страны картеля, нарушавшие свои квоты по добыче. Ныне конфликт экономических интересов произошел поначалу не внутри ОПЕК-плюс, а между составляющими его несколькими крупнейшими производителями традиционной нефти, с одной стороны, и множеством производителей сланцевой нефти США, с другой. Последние и стали бенефициарами снижения добычи странами ОПЕК-плюс. Это в итоге привело к расколу внутри самого ОПЕК-плюс. И в марте 2020 г. повторилась ситуация конца 1985 года. Только с еще более жесткими последствиями – на фоне пандемии коронавируса с резким падением спроса впервые в истории нефтяные котировки (американского маркерного сорта WTI) упали в область отрицательных цен в апреле 2020 года (технические причины описаны, например, в [7-8, 40]).

Несостоявшийся вход в 7-й этап в период пандемии

В период пандемии коронавируса резко возросла необходимость кооперации большой нефтяной тройки. Так, в период Второй мировой войны у государств антигитлеровской коалиции оказался единый, более могущественный враг, чем противоречия между ними.

Понятно, что без участия США сегодня в соглашении нефтедобывающих стран было мало смысла: чуть только освободится рыночная ниша, ее немедленно займут американские, в первую очередь сланцевые компании: у них много пробуренных, но не законченных строительством скважин, они могут быстро нарастить добычу. Поэтому прежде всего было нужно обеспечить, несмотря на все реальные и виртуальные препятствия, участие в коллективных действиях всех трех основных игроков: Саудовской Аравии, США и России, несмотря ни на какие препятствия.

У президента США положение было гораздо более тяжелым для объединительных действий на рынке нефти, чем у президента России или у короля Саудовской Аравии. Фигура Дональда Трампа оставалась причиной непрекращающейся конфронтации элит США. В стране действует антимонопольное законодательство, и, в частности, направленный против ОПЕК или объединений нефтедобывающих стран закон «НОПЕК». Многие американские политики обвиняли Саудовскую Аравию и Россию в согласованных действиях против американских нефтяников и требовали, чтобы США решали международные

проблемы силовыми методами (письмо Трампу 42 конгрессменов от 01.04.2020 г.), чтобы нефтедобытчики США сохраняли энергетическое доминирование в мире [25].

Не было единства и среди профессионалов-нефтяников в США. Основные пострадавшие от обрушения спроса и цен – мелкие и средние (по американским меркам) неинтегрированные компании, основные производители сланцевой нефти, те, кто занял место, освободившееся на рынке после того, как заработало соглашение стран ОПЕК и не-ОПЕК. Пока сланцевые компании ведут добычу, они, несмотря на высокую закредитованность и ухудшающиеся кредитные рейтинги, продолжают получать займы на бурение и рефинансирование долгов – экономика США продолжала заливаться деньгами, и были предусмотрены новые гигантские финансовые вливания (в обиход вошел термин «вертолет Берт Бернанке»). Но часть сланцевых нефтедобытчиков банкротится, сланцевые активы обесцениваются – и на сцену выходят покупатели, крупнейшие американские вертикально-интегрированные нефтяные компании, у которых дело с наличием обстоит неплохо; появляются иностранные инвесторы, в том числе саудовские, что этой стране вменяется в вину американскими конгрессменами: будто бы саудовцы хотят взять под контроль американских сланцевиков.

Сланцевые компании – в лице основного регулятора добычи в основном нефтедобывающем штате Техас – Техасской железнодорожной комиссии (ТЖК) – были весной 2020 г. готовы к взаимодействию с производителями за пределами США, чтобы добиться нормализации рынка.

20 марта один из трех комиссаров ТЖК, Брайан Ситтон, предложил трем основным нефтяным странам мира (США, Саудовской Аравии и России) координировать сокращение добычи, а для начала уменьшить ее на 10%. Объяснял Ситтон свою идею так: пандемический обвал спроса имеет внерыночную (форс-мажорную) природу, значит, и реагировать на него необходимо срочно и допустимо внерыночными методами. Ситтон сообщил, что встретится в июне с генсеком ОПЕК в Вене, и в прессе стало обсуждаться невероятное: возможность сокращения рыночной доли США в обмен на рост цен. «Теоретически Техас может сократить добычу на десять процентов, и если Саудовская Аравия готова сократить добычу на 10% по сравнению с допандемическим уровнем, а Россия готова сделать то же самое, это вернет рынок к докризисному уровню и лишь к некоторому переизбытку нефти», – цитировало Ситтона агентство Блумберг [25]. 30 марта 2020 г. две американские нефтяные компании, работающие в Техасе на крупнейшем бассейне сланцевой нефти Пермиан, обратились к ТЖК с просьбой провести слушания об ограничении добычи нефти (США не делали этого с 1970-х гг.).

Пандемия развалила соглашение стран ОПЕК и не-ОПЕК в рамках ОПЕК-плюс. КСА и РФ фактически развязали ценовую войну. На решение проблемы ее урегулирования оставался всего месяц-полтора – ровно до того момента, как обрушившийся спрос и сохраняющееся (а местами – в Саудовской Аравии и других странах ОПЕК – возросшее) предложение не приведет к переполнению мировых нефтехранилищ на суше и в танкерах на плаву. После этого начнется вынужденная массовая остановка и вывод из эксплуатации скважин, в первую очередь там, где добыча дороже и ее условия более тяжелые (в частности, холодный климат); во многих случаях это приведет к необратимым потерям их эксплуатационного фонда. Начнется борьба за выживание, где в проигрыше останутся все участники: они потеряют не только доходы, прямые и косвенные, но – многие – и реальные активы, способные генерировать эти доходы.

30 марта президент США в эфире своего любимого телеканала Fox News анонсировал телефонный разговор с президентом России, который состоялся в тот же день. За ним последовали телефонные разговоры глав энергетических ведомств России и США. 3 апреля состоялось совещание у российского президента с отечественными нефтяниками о ситуации на глобальных энергетических рынках, в ходе которого Владимир Путин отмечал: «Россия считает необходимым объединить усилия»; «все заинтересованы в совместных и, хочу это подчеркнуть, согласованных действиях для обеспечения долгосрочной стабильности рынка»; «...мы готовы к договоренностям с партнерами и в рамках этого механизма – ОПЕК+ и готовы к взаимодействию с Соединенными Штатами Америки по этому вопросу... Считаю, что необходимо объединить усилия, чтобы сбалансировать рынок и сократить в результате этих скоординированных усилий, скоординированных действий добычу». И, наконец (привет Ситтону!): «Речь может идти о сокращении в объеме где-то 10 млн барр/сут., чуть меньше, может, чуть больше... Конечно, это все должно происходить по-партнерски» [7].

Таким образом, звонок Трампа 30.03.2020 Бен-Салману и Путину на фоне озвученной инициативы сланцевых компаний США и ТЖК, запустил маховик скоординированных действий трех стран. В результате КСА и Россия прекратили ценовую войну. Агентство Блумберг по этому поводу заявило недавно, подчеркнув конструктивную роль Трампа, что «в прошлом ОПЕК-плюс был раздираем противоречиями: объединение хотело более высоких цен, но беспокоилось, что они вызовут дополнительную конкуренцию, особенно со стороны сланцевой нефти США. Именно это разногласие развязало ценовую войну между Россией и КСА в 2020, которая закончилась, когда тогдашний президент США Дональд Трамп выступил посредником и организовал между ними сделку» [26]. A Financial

Times на днях заявила, что «тогда Президент Трамп буквально умолял Россию и Саудовскую Аравию снизить добычу, чтобы восстановить порядок на энергетических рынках – и пощадить производителей нефти и газа США» [27]. Трамп, безусловно, беспокоился в первую очередь об американских сланцевых компаниях (ценовая война между КСА и РФ ведет к разорению в первую очередь американских нефтедобытчиков из-за особенностей инвестиционного цикла сланцевой добычи), но понимал, что ценовая война не выгодна никому, потому и выступил посредником между КСА и Россией.

Апрель 2020 г. прошел в публичных и открытых, в режиме видеоконференций, подготовительных дискуссиях к заседанию ТЖК, на котором должна была обсуждаться идея и приниматься решение в отношении введения в Техасе ограничительных мер на добычу для выравнивания мирового баланса спроса и предложения. Мир, казалось, стоял на пороге немыслимого: пусть для начала временной, тактической, но координации действий нефтяных компаний США, КСА и РФ. Вновь прав мог оказаться гениальный Жванецкий: «Большая беда нужна!». Но не срослось... ТЖК провела итоговое заседание 05.05.2020, но Ситтон оказался в меньшинстве (1:2) и проиграл свое предложение о нормативном 10%-ом ограничении добычи. ТЖК приняла решение: пусть добыча сокращается рыночными средствами (в ответ на снижение цен), государство не должно сдерживать «невидимую руку рынка» [28].

Возможный переход к 7-му этапу в марте-мае 2020 г. как к периоду координации действий основных производителей не состоялся. В итоге 20.04.2020 случился краткосрочный обвал нефтяных цен на рынке США в область отрицательных значений. Но рынок нефти продолжил функционировать в рамках шестого этапа.

Седьмой этап: ценовой потолок и петроюань

Переход к седьмому этапу эволюции (организованного развития) мирового рынка нефти произошел в декабре 2022 г. в результате двух одновременных событий: введения западными странами потолка цен на нефть и нефтепродукты для российской нефти плюс официального введения нефтеюаня во взаимоотношения государств Персидского залива и Китая (рисунок 1).

Введение потолка цен на российскую нефть и нефтепродукты является одним из элементов широкого пакета антироссийских санкций [29-30]. 22.03.2022 бывший посол США в РФ Майкл Макфолл выдвинул абсолютно нереализуемую идею, чтобы покупатели российской нефти удерживали платежи за нее на специальных эскроу-счетах в западных банках, недоступных для российских поставщиков до момента завершения СВО (как механизм

«принуждения России к миру»). Спустя месяц, 21.04.2022, министр финансов США Джанетт Йеллен предложила странам «Группы семи» ввести потолок цен на российскую нефть на уровне цены отсечения «кост-плюс», чтобы российские компании могли получать приемлемую норму рентабельности и продолжать осуществлять добычу и поставки, но лишиться возможности российское государство получать с них платежи в бюджет. То есть изъять у него природную ресурсную ренту – примерно так, как это делали компании МНК в рамках первого-второго этапов за счет механизма «справочных цен» и одно/двухбазовой системы цен (рисунок 3). Долгие дискуссии в рамках «Группы семи» об уровне потолка (дебаты в диапазоне \$30-70/барр.) и механизме отсечения завершились принятием в сентябре политического решения ЕС о потолке. 04.12.2022 решение ЕС о потолке на уровне \$60/барр. для сырой нефти вступило в силу. Механизм – отказ в страховании грузов при превышении потолка цен. 05.02.2023 вступило в силу эмбарго ЕС (с оговорками) на нефтепродукты из РФ плюс были введены два потолка цен для нефтепродуктов: на легкие (бензин, газойль, дизтопливо) – \$100/барр., на тяжелые (мазут) – \$45/барр. [31-32]

Введение потолка цен для российской нефти означает, что наряду с рыночным ценообразованием, вводится одновременное применение механизма политико-административного установления цен (рисунок 1). Что, повторюсь, по сути напоминает попытку возврата к механизму т.н. «справочных цен», применявшихся на первом-втором этапах эволюции мирового рынка нефти во взаимоотношениях между компаниями МНК и государствами, объединившимися впоследствии в ОПЕК. То есть это – попытка возврата к неокOLONIALной практике, только на сей раз не во взаимоотношениях «международные нефтяные компании – принимающие развивающиеся государства», а во взаимоотношениях «западные страны – российские нефтяные компании». Аналогичная по сути схема ограничений налоговых поступлений принимающему государству применена и в отношении Венесуэлы со стороны США [10].

Таким образом, сегодня расколовшийся как минимум по девяти линиям разлома мир [33-34] применяет одновременно две системы ценообразования на нефть: биржевое ценообразование и политико-административное установление цен (таблица 1). Это – одно из оснований говорить о переходе на новый этап развития мирового рынка нефти.

Второе – это фактическое введение в оборот (как в дипломатический, так и в деловой) петроюаня.

09.12.2022 в Эр-Рияде, на второй день визита в КСА Председателя КНР Си Цзиньпина, состоялся Саммит Китая и стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). На саммите Си Цзиньпин

заявил, что Китай готов продвигать расчеты по торговле нефтью и газом со странами ССАГПЗ в юанях. Кроме того, Пекин, по его словам, наращивает покупки нефти и СПГ из России, Ирана, Венесуэлы и некоторых африканских стран за свою национальную валюту. Си Цзиньпин заявил лидерам ССАГПЗ, что Китай намерен в полной мере использовать Шанхайскую нефтегазовую биржу в качестве платформы для торговых расчетов за нефть и газ в юанях вместо долларов США в ходе расширяющегося всестороннего энергетического сотрудничества со странами региона [35-36].

Для справки: Китай начал биржевую торговлю фьючерсными контрактами на физическую поставку нефти сорта Shanghai в юанях на площадке Шанхайской международной энергетической биржи (INE) 26 марта 2018 г. Этот день можно считать официальной датой рождения петроюаня. Это был второй, на сей раз успешный, запуск работы китайской нефтяной биржи, процедура подготовки которого заняла 14 лет (2004-2018). Первый – неудачный – запуск биржевой торговли нефтью в Китае пришелся на 1992-1994 гг. Доля торговли нефтяными контрактами в юанях в объеме мировой торговли нефтяными фьючерсами составила в 2022 г. примерно 5-6% (среднеквартальные значения с 2018 г. колебались в диапазоне 2-8%) [12, 37].

По итогам этой встречи Financial Times заявила, что переход Китая к покупке нефти за юани ведет к формированию нового мирового энергопорядка [38]. Что «встреча Председателя Си Цзиньпина с лидерами ССАГПЗ знаменует рождение петроюаня» (как это сформулировал Золтан Позар (Zoltan Pozsar), аналитик Credit Suisse, в меморандуме для клиентов банка [39], хотя, на мой взгляд, это произошло на 4,5 года раньше – см. справку выше). По мнению Позара, «Китай хочет переписать правила глобального энергетического рынка» в рамках более масштабных усилий по дедолларизации внутри БРИКС, а также во многих других частях мира. Сегодня, однако, это стремится сделать не один Китай, а в первую очередь Россия.

Но это тема уже следующей статьи, о взлете и начале падения доллара как единой нефтяной валюты. «Когда Луна становится полной, она начинает убывать...» ❗

Список литературы

1. А. Конопляник. Мировой рынок нефти: возврат эпохи низких цен? (последствия для России) – ИНП РАН, Открытый семинар «Экономические проблемы энергетического комплекса», Второе заседание 26 мая 1999 года. – Москва, Изд-во ИНП РАН, 2000 г., 124 с.
2. А. Конопляник. Россия на формирующемся Евроазиатском энергетическом пространстве: проблемы конкурентоспособности. – М.: «Нестор Академик Пабlishерз», 2004, 655 с.

3. Putting a Price on ENERGY: International Pricing Mechanisms for Oil and Gas. – Energy Charter Secretariat, Brussels, 2007, 236 pp.
4. Бушуев В. В., Конопляник А. А., Миркин Я. М. и др. Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз. – М: ИД «Энергия», 2013, 344 стр.
5. A. Konoplyanik. Global Oil market developments and Their Consequences for Russia (Chapter 28: p. 477-500) – in: "The Handbook of Global Energy policy", ed. by Andreas Goldthau. – Handbooks of Global Policy Series. Wiley-Blackwell – A John Wiley & Sons, Ltd., Publication, 2013, 542 pp.
6. А. Конопляник. Эволюция механизмов ценообразования на мировом рынке нефти (глава 1: с. 10-127) – в кн.: Эволюция системы ценообразования на мировом энергетическом рынке: экономические последствия для России / под ред. О. И. Маликовой, Е. С. Орловой. – М: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. – 432 с.
7. А. Конопляник. Нефтяной рынок: от картелизации к кооперации? // «Нефтегазовая Вертикаль», 2020, № 9-10, с. 80-91 (часть 1); №11-12, с. 122-132 (часть 2).
8. А. Конопляник. Эволюция энергетических рынков и механизмов ценообразования на невозобновляемые энергоресурсы (глава 1, с. 15-67) – в кн.: «Биржевая торговля энергоресурсами: истоки и развитие» / под ред. Н. А. Иванова. – М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2022, 367 с.
9. А. Конопляник. Эволюция энергетических рынков и механизмы ценообразования на невозобновляемые энергоресурсы. // ГАЗПРОМ – Корпоративный журнал ПАО «Газпром», ноябрь 2022, №11, с. 26-41.
10. А. Конопляник. Нефтяное закулисье. Потолок цен на черное золото как фактор борьбы за суверенитет над природными ресурсами. // «Независимая газета – ежемесячное приложение «НГ-Энергия», 17.01.2023, с.15.
11. Julian Lee (CGES). Changes in Oil Prices and the Impact on Gas. – CGES presentation at Argus European Natural Gas/LNG Trading Conference, London 6-7th October 2010
12. <https://roscongress.content.rcmedia.ru/upload/media-library/a0e/znnsam7bszastg97jil0ncommahe146h/Decolonizacia.pdf>
13. С.В. Жуков. Нефть как финансовый актив. // Научно-практическая конференция Газпромбанк – ИМЭМО РАН «Нефть как особый класс активов – современные тенденции и риски», М., 13.12.2011, 10 с.
14. С.В. Жуков, И.А. Копытин, А.О. Масленников. Интеграция нефтяного и финансового рынков и сдвиги в ценообразовании на нефть // Открытый семинар «Экономические проблемы энергетического комплекса (семинар А.С. Некрасова)», 128-е заседание от 22.11.2011. – ИНП РАН, М., 2012, 30 с.
15. А. Конопляник. «Эффекты домино» американской сланцевой революции. – «Вестник аналитики», 2014, № 1(55), с. 87-94.

16. А. Конопляник. Американская сланцевая революция: последствия неотвратимы. – «ЭКО», 2014, №5, с. 111-126.
17. A. Konoplyanik. The US Shale Gas Revolution And Its Economic Impacts In The Non-US Setting: A Russian Perspective (pp. 65-106). – in: "Handbook of Shale Gas Law and Policy" / ed. by Tina Hunter, Intersentia, 2016, 412 pp.
18. А. Конопляник. Сланцевая революция: почему в США? Каковы её глобальные последствия, в том числе для смены парадигмы развития мировой энергетики? // «Нефть России», 2020, № 1-2, с. 4-11 (часть 1), № 3-4, с. 16-21 (часть 2).
19. А. Конопляник. Движущие силы и факторы риска сланцевой революции (глава 2, с. 26-36); «Эффекты домино» американской сланцевой революции (глава 19, с. 319-324). – в кн.: Сланцевая революция и глобальный энергетический переход / Под ред. Н. А. Иванова. – М.: СПб.: Нестор-История, 2019. – 540 с.
20. A. Konoplyanik. The (New) Political Economy of Oil and Gas: The Implications of the Changing Dominant Paradigm of International Energy Development (Chapter 16: pp. 241-278) – in: "International Political Economy of Oil & Gas: Governing the Resources in a Changing Political, Regulatory and Business Contexts", Palgrave Macmillan, 2017, XXI+300 pp.
21. А. Конопляник. О грядущей (неизбежной?) смене парадигмы развития мировой энергетики и связанных с этим рисках и вызовах для России и мира (с. 151-180) – в кн.: «Системные исследования в энергетике: методология и результаты», М., Издательский дом МЭИ, 218, 308 с.
22. А. Конопляник. О новой парадигме развития мировой энергетики, рисках и вызовах для России и мира. // Москва, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2019 г., 110 с.
23. A. Konoplyanik. On the New Paradigm of International Energy Development: Risks and Challenges for Russia and the World on the Way to the Low-Carbon Future (chapter 11: pp. 287-339). – in: "The Palgrave Handbook of Managing Fossil Fuels and Energy Transitions", Geoffrey Wood and Keith Baker (Editors), Palgrave Macmillan, xxxiii+637 pp., published 26 November 2019.
24. А. Конопляник. Особенности седьмого энергоперехода и его развилки и взаимоприемлемые внешнеэкономические решения для России (глава 2.1: с. 231-252). – в кн.: Системные исследования в энергетике: энергетический переход / Под ред. Н.И. Воропая и А.А. Макарова. – ИСЭМ СО РАН, 2021. – 594 с.
25. А. Конопляник. Мировая экономика на развилке. Сотрудничество будет гораздо выгодней соперничества. // «Ведомости», 08.04.2020
26. <https://www.bloomberg.com/news/features/2023-04-12/recession-odds-inflation-fears-jump-as-us-saudi-oil-pact-breaks-down>
27. <https://on.ft.com/3pZouPR>
28. А. Конопляник. Как Техас не стал принудительно сокращать добычу нефти. Догматическая идеология против коллективных действий // «Ведомости», 08.05.2020.
29. А. Конопляник. Антироссийские санкции в ТЭКе и пути их преодоления. Энергосотрудничество с Евросоюзом неизбежно будет возобновлено. // «Независимая газета – ежемесячное приложение «НГ-Энергия», 17.05.2022, с.11.
30. А. Конопляник. Размышления на тему антироссийских санкций в ТЭК и возможностей их преодоления. // «Нефтегазовая Вертикаль», №6/2022, с.50-61 (часть 1), №7/2022, с.22-31 (часть 2).
31. А. Конопляник. Великий перелом в мировой энергетике. // «Эксперт», 23-29.01.2023, №4, с. 54-57.
32. А. Конопляник. Год великого перелома в мировой энергетике: 2022-й как новый 1973-й. О некоторых новых глобальных вызовах и путях их преодоления в России. // «Нефтегазовая Вертикаль», 2023, №3, с. 62-69 (часть 1); №4, с.72-86 (часть 2); №5, с.66-75 (часть 3); №6, с.48-61 (часть 4)
33. А. Конопляник. «9-Д» современной мировой экономики. В принципиально ином мироустройстве России необходимо искать нестандартные ответы на новые вызовы. // Ведомости, 31.05.2023.
34. А. Конопляник. Эффекты домино в современном мироустройстве. Глобальная энергетика под влиянием феномена «9Д». // «Независимая газета – ежемесячное приложение «НГ-Энергия», 20.06.2023, с.13.
35. <https://www.reuters.com/business/energy/chinas-xi-tells-gulf-nations-use-shanghai-exchange-yuan-energy-deals-2022-12-09/>
36. <https://www.reuters.com/world/saudi-arabia-gathers-chinas-xi-with-arab-leaders-new-era-ties-2022-12-09/>
37. https://www.iima.or.jp/en/docs/newsletter/2019/NL2019_No_4_e.pdf
38. <https://on.ft.com/3Qcij30>
39. <https://plus2.credit-suisse.com/shorturlpdf.html?v=5h1o-YP34-V&t=-6f9o9gxfcir9ldit6fbbldzxx>
40. Н. Иванов. Что случилось 20 апреля 2020 г. на бирже NYMEX: история отрицательной цены на фьючерс WTI (глава 5, с. 133-163) – в кн.: «Биржевая торговля энергоресурсами: истоки и развитие» / под ред. Н.А. Иванова. – М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2022, 367 с.